

УДК 811.161.1'282.2
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-15-23

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НОМИНАЦИИ СКОРОСТИ (на материале русских народных говоров)¹

Елизавета Олеговна Борисова

к. филол. н., лаборант топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. liska5@yandex.ru

SPIN-код: 8131-6080

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Борисова Е. О. Мифологические образы в номинации скорости (на материале русских народных говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 15–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-15-23

Please cite this article in English as:

Borisova E. O. Mifologicheskie obrazy v nominatsii skorosti (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Images of Mythological Characters in Nomination of Sluggish and Prompt People (a Case Study of Russian Dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 15–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-15-23 (In Russ.)

В статье рассматриваются обозначения медлительных и расторопных людей, мотивированные наименованиями мифологических персонажей. Материалом для статьи послужила лексика русских народных говоров. Отмечается, что развитие значения скорости наблюдается только у имен низших демонов, имеющих, по поверьям, непосредственный контакт с людьми; представителям низшей демонологии приписывается способность каузировать у человека состояние активности или заторможенности. Наибольшей продуктивностью характеризуются наименования черта и беса, для которых релевантен признак быстроты. Образы данных персонажей детально проработаны в «скоростной» лексике и фразеологии: подвижный человек сравнивается непосредственно с чертом и бесом (*быстрый как чёрт, первый бес*); эталоном движения с высокой скоростью выступают прототипические ситуации, в которых черт и бес демонстрируют способность к быстрому перемещению (*как бес от грома*); выбор человеком неестественно высокой скорости объясняется влиянием черта или беса на его сознание (*чёрт гнал*). В основу номинаций быстроты также могут быть положены имена таких персонажей, как *шуликуны, кострома* и *ягарма*. В первом случае семантическое развитие имени мифологического персонажа основано на представлениях о его поведении и внешнем виде (*шуликуны* маленького роста, подвижны и суетливы), в двух других определяется принадлежностью *костромы* и *ягармы* к числу персонажей устрашения и сближением их с демоническими силами: образы мифологических персонажей, обладающих «надприродными» свойствами, продуктивны в «скоростной» номинации, привлекаются для описания «выдающихся» способностей человека. Семантика медлительности представлена у рассматриваемых лексем единичными примерами (*слепая макура*), однако обозначения кикиморы (*шишиморы*) и кумохи получают противоположную скоростную интерпретацию.

Ключевые слова: этнолингвистика; русская диалектная лексика; метафора; семантическая деривация; народная демонология.

Диалектная лексическая система (в нашем случае русская), ориентированная на описание практической бытовой жизни, выделяет те личностные характеристики человека, которые значимы в процессе трудовой деятельности. Одним

из таких признаков, лексически маркированных в говорах, является склонность человека к совершению действий быстро или медленно. Многочисленность и экспрессивность лексем, называющих медлительных и расторопных людей,

определяет разнообразие источников номинации – привлечение лексики различных тематических групп. В данной статье мы рассмотрим «скоростные» обозначения человека, мотивированные именами мифологических персонажей.

Наибольшей продуктивностью в развитии значения быстроты характеризуются наименования **черта** и **беса**, что объясняется релевантностью признака скорости для этих персонажей. «Представления о подвижности, “вертлявости” чертей или бесов, их способности к исключительно быстрому передвижению» [Березович, Родионова 2002: 24] широко распространены в народной культуре, и эти качества входят в число «мотивов-коннотаций» в смысловой структуре макрообразов черта и беса, ср., например, ряз. *вертлячий черт* ‘бранное выражение’, без указ. мест. *бесова нога* ‘вертлявый, бойкий, проворный’ [там же]. Таким образом, *чертом* (*бесом*) называется быстрый, подвижный человек,двигающийся с высокой скоростью: брян. *быстрый как чёрт* ‘об очень подвижной, быстрой птице’ [БСРНС: 741], литер. *чёртом* ‘очень быстро, проворно, ловко’ [ССРЛЯ 17: 948], брян. *бежать / побежать (бежать) как черти* ‘об очень быстро бегущих людях’ [БСРНС: 745], литер. *как бес* ‘о проворном, ловком, быстром в движениях человеке и животном’ [ССРЛЯ 1: 400], литер. *вертеться, суетиться, метаться* и т. п. *как бес, бесы* [там же: 499], прикам. *первый бес* ‘непоседа и весельчак’ [ФСПГ: 22], новг. *поверткóй* ‘быстрый, ловкий’ – *Поверткóй, как бес* [НОС 8: 9].

Номинативно отмечены также ситуации, в которых черт и бес проявляют свою способность к быстрому перемещению. Во-первых, выделены «чертовы» средства и способы передвижения: орл. *носиться как чёрт на колесе* ‘о быстро бегущем человеке’ [БСРНС: 743], новг. *носиться, как чёрт на ходулях* ‘быстро бегать, идти’ [НОС 12: 54], дон. *как черт на воздухе, воздухах (летать, носиться и пр.)* ‘о ком-то, быстро передвигающемся’ [СРДГ 3: 192]. Во-вторых, в фразеологизмах со значением скорости отражены представления о том, что черт и бес боятся грозы, грома, удары которого для них смертельны: перм. *носиться как бес от грозы* ‘о быстро и в испуге убегающем человеке’ [БСРНС: 46], перм. *как бес от грома* ‘сломя голову’ [ФСПГ: 22]. Вообще, поскольку черт и бес преследуют людей, вредят им, пугают, сбивают с пути и пр., т. е. контактов с ними желательно избегать, существуют преставления об оберегах – предметах, при виде которых черт и бес испытывают страх и стремятся скрыться: перм. *носиться как бес от ладана* ‘о быстро и в испуге убегающем человеке’ [БСРНС: 46] (ср. литер. *как черт от ладана* ‘всеми силами, любыми средствами стремясь

избавиться’ – *Ну, что ж это такое, Ирина?<...> Ты от меня убегаешь, как черт от ладана* [ФСРЯ: 519]); ср. также дон. *как черт с полоху (переполоху)* ‘от испуга очень быстро’ [СРДГ 3: 37]. Наконец, моделируются ситуации, в которых черт находится в несвойственной для него роли: волог. *носиться как чёрт с репой* ‘быстро бегать’ [КСГРС].

Бес также обладает способностью вселяться в тело человека, вследствие чего человек становится «бесноватым», лишается разума (модель «сумасшедший» → «быстро перемещающийся» является одной из высокочастотных, ср. пск. *бежать как сумасшёлый* ‘об очень быстро, стремительно и безрассудно бегающих людях или животных’ [СППП: 118]); курск. *забесованный* ‘отважный, проворный’ [СРНГ 9: 253]; «А то ишло гъварять: што ты носишси, как избясился» (орл.) [СОГ 4: 138]. Бес и черт могут также овладевать волей человека (ср. представления о сговорах человека с чертом и бесом). Действия, совершаемые быстро, видятся как инициируемые чертом и бесом (при этом наблюдается амбивалентная оценка таковых действий: чаще они описываются как «необдуманные», «не вовремя совершенные» и т. д., но в некоторых случаях отрицательная оценка нивелируется): печор. *как (будто) беси носят* ‘кто-либо быстро бегают, играет, резвится (обычно говорится о детях)’, ‘говорится о людях, которые быстро и ловко что-либо делают’ [ФСРГНП 1: 298], пск. *бес несёт (понёс)* ‘о быстрой ходьбе, беге, передвижении кого-л., чего-л.’ [СППП: 17], пск. *чёрт гнал* ‘о быстром, необдуманном, опрометчивом поступке’ [там же: 80], пск. *что беси опахали* ‘о быстро ушедшем откуда-л. человеке’ [там же: 87], пск. *как беси пригнали* ‘о человеке, неожиданно, быстро и не вовремя появившемся где-л.’ [там же].

Помимо конкретных ситуаций, предполагающих проявление способностей черта и беса к быстрому перемещению, в фактах «чертовой» лексики и фразеологии представлена также идея интенсивности, высокой степени выраженности признака [Березович, Родионова 2002: 33]. Например, в контексте: ворон. *отмотать* ‘сделать что-л. быстро’ – *Если молодой дьякон был бы чертом, я обедню отмотал* [СРНГ 24: 244] – скоростная семантика передается глаголом (ср. значения дериватов от *мотать*: костр. *мотáшиться* ‘излишне медленно делать что-либо, слишком много тратить времени на что-либо’ [СРНГ 18: 297], *мотóрить* курск., южн., зап. ‘сделать что-либо быстро, скоро’, южн., зап. ‘сделать что-либо быстро, втайне от других’ [там же: 39, 48]) – а также других глаголов кругового перемещения), а роль *чёрта* сводится к повышению экспрессивности высказывания.

Выше мы говорили о том, что образы черта и беса привлекаются, как правило, для описания перемещения с высокой скоростью. Отдельно стоит отметить лексические единицы, номинирующие энергичную деятельность: башк. *чертоломить* ‘работать много, сверх сил, упорно, быстро; выполнять тяжелую работу’ [СРГБаш: чертоломить], башк. *чертомелить* ‘то же’ [там же: чертомелить], ср. также перм., свердл. *чертомелить* ‘работать много, с большим усердием и напряжением’ [СРГСУ 7: 27], сверд., волог. *чертоломить* ‘выполнять тяжелую физическую работу’ [там же; КСГРС], волог. *чёрта ломить* ‘много работать, изнурая себя’ [СРГК 3: 143] и др. Они объясняются мотивом связи черта с работой, в котором «отразилось представление о работе, повседневном физическом труде как явлении “небожественном” по своей сути и происхождению – представлении, восходящем к библейскому сюжету о грехопадении и изгнании из рая и поддерживаемом на уровне обрядового кода и в нормах бытового поведения (запрет на работу в праздничные и выходные дни вследствие восприятия их как дней, посвященных Богу)» [Березович, Родионова 2002: 32–33]. М. А. Еремина отмечает, что «на синхронном уровне образ черта оказывается стертым, видоизменяясь в эталон количественной оценки. Сочетаясь с глаголом *ломить*, он формирует чистый экспрессив, в котором впечатление об интенсивности действия соединяется с отрицательной эмоцией» [Еремина 2003: 111]. В случае с *чертомелить*, а также с фиксируемым на этой же территории башк. *черноломить* ‘работать много, сверх сил, упорно, быстро; выполнять тяжелую работу’ [СРГБаш: чертоломить] мы предполагаем контаминации первого глагола с другими корнями, возникающие из-за фонетической близости слов и поддерживающиеся их коннотациями: так, *чёрный* появляется в номинациях тяжелого физического труда (ср. литер. *чёрный* ‘физически тяжелый, грязный и вместе с подсобный, не требующий особого умения, знаний’ [ССРЛЯ 17: 923]) и в данном сочетании усиливает значение глагола (ср. волог., яросл., костр., иван., вят. *ломить* ‘быстро, энергично работать; делать трудную работу’ [СРНГ 17: 120]).

Возможны номинации быстрых людей с использованием уменьшительных форм от наименований нечистой силы – таким образом обозначаются обладающие соответствующими характеристиками дети: разг. *как бесёнок* ‘о проворном, юрком, непоседливом, проказливом, шаловливом ребёнке (реже взрослом)’ [БСРНС: 47]; литер. *чертёнок* ‘о бойком, озорном мальчишке (или девчонке)’ [ССРЛЯ 17: 955]; кубан. *побежать как сатанята* ‘о быстро и внезапно помчавших-

ся куда-л. детях (особенно мальчишках)’ [БСРНС: 594]. Показательно, на наш взгляд, что образ сатаны как представителя высшей демонологии встречается всего один раз и только в уменьшительной форме.

Непосредственно признаком скорости или признаками, ассоциирующимися со способностью к быстрому или медленному передвижению, обладают и другие, помимо черта и беса, персонажи народных верований. В первую очередь отметим номинации, связанные с образом **шуликунов** – сезонных духов, активизирующихся в период от Рождества (Нового года) до Крещения: печор. *как шеликон (шулюкун)* ‘быстрый, резвый ребенок’ – *Вот ребята малы, дак они как шеликоны скажут, проворны таки; Ну как шулюкуны робяты-ти* [ФСРГНП 1: 338]. Несмотря на единственное число в дефиниции, контексты указывают на то, что ассоциации с шуликунами вызывает компания играющих вместе детей. Источником ассоциаций являются представления о типичном поведении и внешнем виде данных мифических персонажей: «Согласно большинству поверий, шуликуны выглядят как маленькие человечки, с кулачок или чуть больше; редко появляются поодиночке, обычно их видят “ватагами”, “артелями”, “толпами”, “скопищами”» [Березович, Виноградова 2012б: 583]. Шуликуны «очень подвижны (бегают по улицам, суеются, толкаются, мельтешат, скатываются с горок, толпятся возле проруби и на перекрестках дорог); им присущи особые способы передвижения (езды на конях, “на маленьких лошадаках”; в санях или на одном полозе от саней; скачут или летают в железных ступах; скользят по снегу на воловьей шкуре; ездят на горячей печи, на ухвате, сковородке или кочерге)» [там же: 584]. Сравнение с ними детей, таким образом, базируется на ряде признаков шуликунов: подвижность, маленький размер, большое количество.

В представлениях о **кикиморе** характеристика скорости не является строго закреплённой, и варианты ее имени (*кикимора*, *шшшшмора*) развивают противоположные скоростные значения. Постоянным признаком этого персонажа «является связь с прядением: может допрясть за хозяйку, но чаще путает, рвет, мусолит, иногда жжет кудель, оставленную на ночь без благословения» [Черепанова 1983: 125]. Женские домашние обязанности, требующие сосредоточенности, повторения однообразных мелких движений, к которым относится также прядение, являются эталоном деятельности с низкой скоростью², этот факт объясняет появление соответствующего значения у волог., ленинг. *шшшшмора* ‘медлительный в работе человек’ [КСГРС; СРГК 6: 880]. Перехо-

ду способствуют фонетические причины, к которым можно отнести, во-первых, фоносемантику (семантика медлительности часто закрепляется у тех слов с затемненной внутренней формой, звуковая оболочка которых включает глухие шипящие, ср. костр. *шушлѣна* 'о нерасторопной, неумелой женщине' [ЛКТЭ], яросл. *шушунка* 'неповоротливый, медлительный человек' [ЯОС 10: 82], твер. *шошѣлѣться* 'мешкать, медлить, меледить, возиться, копать' [Даль 4: 662] и мн. др.), а во-вторых, вероятную фонетическую аттракцию по созвучию корня: на территории преимущественного распространения слова *шшш-мора* и в родственных говорах фиксируются многочисленные глаголы, включающие звукокомплекс *шшш-*, которые называют деятельность и передвижение с низкой скоростью: пск. *шшшѣть* 'работать в одиночестве, потихоньку', перм. *шшшлѣть* 'делать потихоньку', волог. *шшшлѣть* 'тихо делать что-либо, медлить', вят. *шшшлѣть* 'тихо, вяло копать, возиться', яросл. *шшшлѣться* 'копошиться, возиться с чем-л.' и др. [см.: Черепанова 1983: 133; КСГРС]³.

Время появления персонажа – обычно ночь. Способность кикиморы вести активную деятельность незаметно для людей получает различную скоростную интерпретацию. С одной стороны, поскольку хозяева дома, в котором появляется кикимора, ночью спят, кикиморе необходимо действовать тихо, чтобы не разбудить, а как следствие – медленно, что поддерживает развитие приведенного значения. С другой стороны, число дел кикиморы велико, а сферы приложения усилий разнообразны: она «ощипывает кур, бросает и бьет горшки, портит хлеба и пироги, кидается луковицами из подполья или из-под печки, мешает спать детям, стучит вьюшкой, крышками коробов и под.» [Черепанова 1983: 125]. Факт выполнения всего этого за короткое время позволяет сравнить с кикиморой торопливого, проворного человека: олон., тобол. *кикимора* 'о непоседе, юрком, проворном человеке' [СРНГ 13: 205] (ср. формулировку данного значения см.: [Черепанова 1983: 127]: олон. 'о непоседливом, юрком, вертлявом, везде сующемся, все обшаривающем человеке').

Противоположные «скоростные» значения развиваются у имени мифологического существа, представляющего собой народную персонафикацию лихорадки в образе женщины, – **кумохи**. Известно, что «в народной медицине к лихорадке относят разные болезни (сухотку, тиф, малярию), объединяемые общими симптомами (жар, озноб, дрожь, бред и т. д.)» [Усачева 2004: 117]. В Вологодской области (входящей в ареал лексемы) название *кумоха* получает также, кроме самого мифологического персонажа, непосред-

ственно лихорадка, т. е. вызываемая этим персонажем болезнь (волог. *кумоха* 'болезнь, которую насылает мифическое существо' [КСГРС]), и нездоровый сон (волог. *кумоха* 'тяжелый лихорадочный сон, дрема' [там же]) – как основной симптом, сопутствующий всем болезням, которые могут обозначаться словом *лихорадка*. Медлительный человек уподобляется, таким образом, тому, кто погружен в подобную лихорадочную полудрему: волог. *кумоха* 'о сонливом, малоподвижном, нерасторопном человеке' [СРНГ 16: 86].

На этой же территории возникает второе «скоростное» значение: волог. *кумоха* 'о торопливом и неаккуратном человеке' [КСГРС], волог. *кумоха* 'о непоседе, егозе, шалуне, шалунье, баловне' [СРНГ 16: 86], – объясняющееся представлениями о том, что у заболевшего лихорадкой меняется поведение, он теряет способность вести себя адекватно, а кроме того, становится по таким признакам, как, например, необычный блеск глаз, «румянец», похож на человека, находящегося в сильном возбуждении (ср. литер. *лихорадочный* 'болезненно возбужденный, сильно взволнованный', 'торопливый, поспешный' [ССРЛЯ 6: 281]). Отметим также, что контекст демонстрирует негативную оценку поспешности и сочетание ее с рядом других отрицательных характеристик, за которые человек может получить обозначение *кумоха*: «Кумоха така какая-то, что-то сделает быстро, даром, плохонько, маленько недоразвитая» [там же]. Слово *кумоха* активно развивает вторичные значения – различных негативных качеств человека: 'брюзга, человек, которому все не по нраву (чаще о женщине)', 'ругательство (в знач. черт)' и т. д. [см.: КСГРС; СВГ 4: 19]. Кроме того, в вологодской области фиксируются глаголы, для которых мы можем предполагать производность от наименования данного мифологического персонажа, сохраняющие семантику медлительности и «отрицательной оценки»: волог. *кумошѣть* 'делать что-либо пустое, бесполезное, копать с чем-либо без успеха', 'делать что-либо (с примеч. «в бранном смысле»)', волог. *кумошѣться* 'возиться с чем-либо, копошиться' [СРНГ 16: 86]. На появление скоростных значений, таким образом, могут влиять отрицательное отношение к медлительности и, напротив, излишней торопливости, с одной стороны, и тенденции развития семантики данной лексемы в направлении универсальной негативной характеристики человека – с другой.

Как можно заметить, мифологическим персонажам нередко приписывается способность совершать действия с высокой скоростью. Тем не менее некоторые мифические существа наделя-

ются такими специфическими чертами, которые дают основания для развития значения медлительности у имен их обладателей. Среди таких черт, к примеру, слепота **макуры**: орл. *слепая макура* 'о неловком, нерасторопном, близоруком человеке' [СРНГ 38: 267] (ср. перм., забайк. *макура* 'мифическое существо (слепое или подслеповатое)' [СРНГ 17: 315])⁴.

Таким образом, приведенные выше номинации проворных и медлительных людей с привлечением образов нечистой силы основывались на специфических признаках мифологических персонажей (пользуясь классификацией мотивов, предложенной Е. Л. Березович и И. В. Родионовой [Березович, Родионова 2002], можно сказать, что у названных персонажей высокая или низкая скорость является коннотативным мотивом). На наш взгляд, могут быть выделены еще некоторые факторы, способствующие развитию скоростных значений у слов данной тематической группы.

Мифологический персонаж – нематериальная «сущность», обладающая недоступными человеку и не объяснимыми с точки зрения «законов природы» способностями. Эта особенность позволяет привлекать «метафизические» образы для выражения «сквозных» для лексики высокой скорости идей «настолько быстро, что момент совершения действия был ненаблюдаем для окружающих» и «так быстро, как не может обычный человек». Отметим, что, кроме «нечистой силы» (как, например, арх. *только леший видел* 'очень быстро, мигом' [КСГРС]), в ряду подобных номинаций единственный раз появляется «святой» образ: волг., курск. *святым духом* 'очень быстро' [БСРП: 210] (ср. литер. *святым духом* 'как бы само собой, неизвестно как' [ФСРЯ: 149]).

Итак, именно мифологическая природа персонажа может становиться тем признаком, который позволяет отождествить с ним быстро передвигающегося человека. Например, широко распространены верования о **костроме** – персонаже календарного обряда и хороводной игры. В них инсценируется смерть и похороны костромы, в роли которой выступает обычно молодая девушка или «кукла наподобие женщины» [Зеленин 1995: 268]. На севернорусской территории происходит мифологизация персонажа: костроме «приписываются демонические черты, ср. <...> сев.-рус. проклятье "Кострома тебя утащит", сев.-рус. *костромы* 'ряженные на святках'» [Агапкина 1999: 635], ее имя употребляется для запугивания детей [Черепанова 1983: 47], ср. контексты: «А еще Костромой пугали, это наподобие Бабы-яги» (мурман.); «У, смотри, не ходи на улицу, там Кострома» (арх.) [СРГК 2: 443].

О. А. Черепанова отмечает, что «функция запугивания поддержана, вероятно, ролью костромы в игре того же названия. <...> женщина, названная костромой, среди ребяташек притворяется мертвой, а потом неожиданно вскакивает и распугивает ребят» [Черепанова 1983: 47]. Осмысление костромы как персонажа, смыкающегося с демоническими силами, и приписывание ей способности «утащить» (поймать, унести ребенка незаметно для взрослых и пр.) способствует тому, что именно на Русском Севере этот образ используется в качестве эталона высокой скорости движения: карел. *как костромá* 'очень быстро' [СРГК 2: 443].

Приведем еще некоторые примеры, в которых, вероятно, появление скоростного значения у имен персонажей объясняется именно их принадлежностью к миру нечистой силы: новг. *как лыско* 'как ошалелый, как угорелый, как черт' [СРГК 3: 164], волог. *как лыско* 'незвизая ни на какие обстоятельства' – *Разбегался, как лыско* [СВГ 4: 58] (ср. волог., ленинг. *лыско* 'по суеверным представлениям: нечистая сила, живущая в доме' [СРГК 3: 164]), печор. *шишко́ носит* 'о быстром передвижении кого-н.' [СРГНП 2: 448] (ср. печор. *шишко́* 'нечистый дух, черт, дьявол', 'леший' [там же: 447]), тул. *туболётка* 'ведьма, колдунья' → 'о ловкой, проворной женщине' [СРНГ 45: 152].

Нечистая сила, кроме надприродной сущности, обладает еще одним общим признаком: находясь, по поверьям, в непосредственной близости с человеком, она, за редким исключением, различными способами усложняет ему жизнь: запутывает тропинки в лесу, совершает мелкие пакости в доме, крадет детей, уводит скотину и мн. др. Однозначно резко отрицательное отношение к нечистой силе создает экспрессивный потенциал имен мифических персонажей для развития вторичных значений. При этом наблюдается диффузность семантики слов, используемых в качестве «ругательств». Быстрота или медлительность могут, таким образом, оказываться в ряду других негативных поведенческих особенностей человека, за которые он может получить «мифологическое» обозначение.

В Костромской области большим количеством семантических дериватов обладает слово **ягарма** (один из вариантов имени Бабы-Яги [Петрухин 2012: 614], на обсуждаемой территории ягарма функционирует как персонаж устрашения, ср.: «Где-то в лесу живёт, да и пугали ягармой ребяташек, что заберёт с собой» [ЛКТЭ]). Им обозначаются люди и животные по различным признакам, которые вызывают у говорящего отрицательные эмоции (ср. контекст: «Которого невзлю-

бят, того ягарма называют» [ЛКТЭ]): ‘вредный человек’, ‘лохматая растрепанная женщина’, ‘большой, неуклюжий человек’, ‘сварливая женщина’, ‘нелепо одетая женщина’, ‘непослушная скотина’ и др. [там же]. Среди приведенных разнородных негативных характеристик выделяется группа таких, которые рисуют сходный образ женщины-ягармы, включающий признак высокой скорости: *ягáрма* ‘склочная, сварливая женщина’, ‘бойкая, скандальная женщина’, ‘склочная, бойкая женщина’, ‘бойкая пожилая женщина’, ‘о бойкой смелой женщине’, ‘бодрая, резвая женщина’ и, наконец, *ягáрма* ‘шустрый человек’ и *бежать как ягáрма* ‘быстро бежать’ [там же]. Диффузность значения слова *ягарма* (включающего признаки склочности, вредности, бойкости, резвости и т. д.), при которой скорость может присутствовать в концептуальном ядре значения или на коннотативном уровне, подтверждается контекстами, ср.: «Ягармы шустрые, вредные такие – “У, ягарма, забегала опять!” – сварливые женщины» [там же].

Образы мифологических персонажей могут, наконец, включаться в качестве составного элемента в смоделированные «эталонные ситуации». В таком случае персонаж не обязательно обладает непосредственно признаком скорости и выбирается на основании некоторой актуальной для «эталонной ситуации» особенности. Так, широко распространено в качестве образной характеристики работы с низкой скоростью, длительного бездействия и т. п. переносное значение глагола *тянуть* и синонимичных ему слов. При этом для повышения экспрессивности высказывания возможны вариации объекта (литер. *тянуть kota за хвост*, смол. *как старца за бараду тягнуть* и др.). Из числа мифологических персонажей в роли объекта выступает леший, одним из основных признаков которого является наличие длинной шерсти, волос (ср., например, номинацию волог., сев.-двин. *волосáтик* ‘леший’ [СРНГ 5: 58]): печор. *как шишкá (лешакá) за волосы волочить (тянуть)* ‘медленно, с усилием что-нибудь делать’ [ФСРГНП 1: 338] (← печор. *шишкó* ‘леший’ [СРГНП 2: 448]).

Круг мифологических образов, привлекаемых в номинации расторопных и (реже) медлительных людей, достаточно широк, в их числе: *черт*, *бес*, *сатана*, *кумоха*, *кострома*, *макура* и другие персонажи, связанные с народными верованиями. При этом в качестве источников скоростной лексики выступают, как правило, обозначения персонажей низшей демонологии, «нечистой силы», имеющей, по поверьям, непосредственный контакт с человеком. Именно низшим демонам

приписывается способность заниматься физическим трудом, каузировать активную деятельность или, напротив, состояние медлительности у человека. Таким образом, номинативно отмечены образы черта и беса (новг. *носиться, как чёрт на ходулях* ‘быстро бегать, идти’, литер. *как бес* ‘о проворном, ловком, быстром в движениях человеке и животном’), шуликунов (печор. *как шеликон (шулюкун)* ‘быстрый, резвый ребенок’), костромы (карел. *как костромá* ‘очень быстро’) и некоторых других персонажей (костр. *бежать как ягáрма* ‘быстро бежать’, новг. *как лыско* ‘как ошалелый, как угорелый, как черт’). Семантика медлительности развивается у рассматриваемых лексем значительно реже, однако фиксируются случаи биполярной скоростной интерпретации образов: олон., тобол. *кикимора* ‘о непоседе, юрком, проворном человеке’ и волог., ленинг. *шиши́мора* ‘медлительный в работе человек’; волог. *кумоха́* ‘о торопливом и неаккуратном человеке’ и волог. *кумо́ха* ‘о сонливом, малоподвижном, нерасторопном человеке’. «Нерасторопным» персонажем считается макура.

Отметим также, что номинативная активность образов мифологических персонажей определяется представлениями о них как о нематериальных сущностях, обладающих недоступными человеку и не объяснимыми с точки зрения законов природы способностями, что позволяет использовать наименования нечистой силы для реализации мотива «так быстро, как не может обычный человек».

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² Ср. карел. *кропанá, кропанíда* ‘та, которая медленно выполняет какую-нибудь работу’ ← *кропáть* ‘шить, вышивать’, ‘чинить, штопать’ [СРГК 3: 24] или литер. *тянуть канитель* ‘о медленном, нудном, затяжном деле или разговоре, о досадной потере времени’ [Мокиенко 2005: 285], демонстрирующее восприятие процесса изготовления тонкой проволоки – *канители*: при ее производстве металл раскаляли и вытягивали клещами.

³ О. А. Черепанова предполагает родство первой части слова *шиши-мара* со словами этого ряда [Черепанова 1983: 133], если это так, то совпадает мотивационный признак «справа» и «слева», что свидетельствует о его устойчивости в качестве коннотативного для кикиморы.

⁴ В семантике слова *слепой* есть коннотация затрудненности действий (потенциально медли-

тельности), о чем говорит, к примеру, перм. фразеологизм *как слепой на огороде* ‘с трудом, неуверенно’ – *Не умею делать-то, дак и копаюсь как слепой на огороде* [ФСПГ: слепой].

Список источников

БСРНС – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СОГ – Словарь орловских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–. Орел, 1992–.

СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / С.-Петербург. гос. ун-т, межкафедр. словарь. каб. им. проф. Б. А. Ларина; сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; науч. ред. Л. А. Ивашко; отв. ред. Л. А. Карпова. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

СРГБаш – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003–2005.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРДГ – Словарь русских донских говоров: в 3 т. / авт.-сост. З. В. Валюсинская и др. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороко-

летов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

ФСПГ – Фразеологический словарь пермских говоров / сост. К. Н. Прокошева. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Список литературы

Агапкина Т. А. Кострома // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. С. 633–635.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Черт // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2012. Т. 5. С. 519–527.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Шуликуны // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2012. Т. 5. С. 583–585.

Березович Е. Л., Родионова И. В. «Текст чёрта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Пробел-2000, 2002. С. 7–44.

Варбот Ж. Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов (Краков, 1998 г.): докл. рос. делегации / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1998. С. 115–129.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Еремينا М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 253 с.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Меркулова В. А. Народные названия болезней // Этимология. 1970 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1972. С. 143–206.

Мокиенко В. М. Почему так говорят? Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: Норинт, 2004. 512 с.

Петрухин В. Я. Яга // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2012. Т. 5. С. 614.

Синица Н. А. Лексика народной демонологии Павинского района // Живая старина. 2010. № 3(67). С. 43–46.

Усачева В. В. Лихорадка // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2004. Т. 3. С. 117–123.

Чайкина Ю. И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры / ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. Вып. 6. С. 43–49.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

References

Agapkina T. A. Kostroma [Kostroma]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 2. Moscow, "International relations" Publishing House, 1999, pp. 633–635. (In Russ.)

Berezovich E. L., Vinogradova L. N. *Chert* [Devil]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, "International relations" Publishing House, 2012, pp. 519–527. (In Russ.)

Berezovich E. L., Vinogradova L. N. Shulikuny [Shulikuns]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, "International relations" Publishing House, 2012, pp. 583–585. (In Russ.)

Berezovich E. L., Rodionova I. V. «Tekst cherta» v russkom yazyke i traditsionnoy kul'ture: k probleme skvoznykh motivov ["Text of devil" in the Russian language and traditional culture: to the question of cross-cutting motive]. *Mezhdru dvumya mirami: Predstavleniya o demonicheskom i potustoronnem v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [Between the two worlds: Demonology in Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Ed. by O. V. Belova. Moscow, Probel-2000 Publ., 2002, pp. 7–44. (In Russ.)

Varbot Zh. Zh. Slavyanskije predstavleniya o skorosti v svete etimologii (k rekonstruktsii slavyanskoy kartiny mira) [Slavic beliefs of velocity in etimological aspect]. *Slavyanskoe yazykoznanie. 12 Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov (Krakov, 1998). Doklady rossijskoy delegatsii* [Slavic linguistics.

12th International Congress of Slavists (Krakow, 1998). Reports of the Russian delegation]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 115–129. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and myth-ritual tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)

Eremina M. A. *Leksiko-semanticheskoe pole «Otnoshenie cheloveka k trudu» v russkikh narodnykh govorakh: etnolingvisticheskiy aspekt*. Diss. kand. fil. nauk [Lexical-semantic field "man's attitude to work" in Russian folk dialects: the ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003. 253 p. (In Russ.)

Zelenin D. K. *Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology: those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 432 p. (In Russ.)

Merkulova V. A. Narodnye nazvaniya bolezney [Folk names of diseases]. *Etimologiya. 1970* [Etymology. 1970]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 143–206. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Pochemu tak govoryat? Istoriko-etimologicheskij spravochnik po russkoy frazeologii* [Why do they say so? Historical and etymological reference book on Russian phraseology]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 512 p. (In Russ.)

Petrukhin V. Ya. Yaga [Yaga]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, "International relations" Publishing House, 2012, p. 614. (In Russ.)

Sinitsa N. A. Leksika narodnoy demonologii Pavinskogo rayona [Vocabulary of folk demonology of the Pavinsky district]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2010, issue 3(67), pp. 43–46. (In Russ.)

Usacheva V. V. Likhoradka [Fever]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 3. Moscow, "International relations" Publishing House, 2004, pp. 117–123. (In Russ.)

Chaykina Yu. I. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора [Semantics of expressive lexemes with the meaning of personal characteristics in lexical-semantic system of dialect]. *Severno-russkie govory* [North Russian dialects]. Ed. by A. S. Gerd. Issue 6. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1995, pp. 43–49. (In Russ.)

Черепанова О. А. *Mifologicheskaya leksika Russkogo severa* [Mythological vocabulary of Russian North]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1983. 169 p. (In Russ.)

**IMAGES OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS
IN NOMINATION OF SLUGGISH AND PROMPT PEOPLE
(a Case Study of Russian Dialects)**

Elizaveta O. Borisova

**Lab Assistant in the Toponymic Laboratory of the Department
of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin**
51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. liska5@yandex.ru

SPIN-code: 8131-6080

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

The article deals with designations of sluggish and prompt people motivated by nominations of mythological characters, with reference to Russian dialects. It is noted that the meanings of speed can only be found among the names of lower demons, who are believed to be able to contact with the humans and to make people be active or sluggish. The names of the devil and the demon are the most productive in this regard, as the sign of velocity is characteristic of their image. Images of these characters are worked out in detail in “speed” vocabulary and phraseology. A quick person is compared to the devil and the demon. Prototypical situations in which the devil and the demon demonstrate the ability to move quickly are considered as a standard of movement with high speed. The choice of an unnaturally high speed by a man is explained by the influence of the devil or the demon on his consciousness. The names of such characters as shulikuns, kostroma and yagarma can also be used as the basis for speed nominations. In the first case, the semantic development of the name of the mythological character is based on the ideas of his behavior and appearance (shulikuns are short, nimble and fussy). In the other two cases, the semantic development is determined by the belonging of kostroma and yagarma to the number of characters of intimidation and their rapprochement with demonic forces: images of mythological characters possessing “supernatural” properties are very productive as a source of speed nominations and are used to describe “outstanding” human features. Semantics of slowness is represented in rare examples (makura). The nominations of kikimora (shishimora) and kumokha have contradictory speed interpretation attributed to both high and low speed.

Key words: ethnolinguistics; Russian dialect vocabulary; metaphor; semantic derivation; folk demonology.